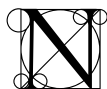

РЕНИ НАЙТ

РЕНИ НАЙТ

ВСЕ СОВПАДЕНИЯ
СЛУЧАЙНЫ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

H20

Серия «Психологический триллер»

Renée Knight

DISCLAIMER

Перевод с английского *Н.А. Анастасьева*

Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева*,
студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Найт, Рени.

H20 Все совпадения случайны : [роман] / Рени Найт ;
[пер. с англ. Н. А. Анастасьева]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2016. — 288 с. — (Психологический
триллер).

ISBN 978-5-17-087552-8

После переезда в новый дом Кэтрин Равенскрофт на-
ходит в спальне необычную книгу. Как она могла туда
попасть? Ни сама Кэтрин, ни ее муж Роберт книгу не по-
купали. Начав читать, Кэтрин понимает, что главная геро-
иня — это она сама, а трагические события, описываемые в
романе, — темная тайна, которую знал только один человек,
но он давно мертв.

Прошлое вновь начинает преследовать Кэтрин, прев-
ращая ее жизнь в кошмар. И чтобы избавиться от него, ей
придется заплатить слишком высокую цену...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Renée Knight, 2015

© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2015

ISBN 978-5-17-087552-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

*Грегу, Джорджу, Бетти
и моей матери Джоселин*

Глава 1

2013, весна

Кэтрин пыталась взять себя в руки, но ничего не выходило. Она впиалась пальцами в холодную раковину и посмотрела в зеркало. Лицо, которое она видела в отражении, было совсем другим, когда она ложилась в постель. Нечто подобное с ней уже случалось, и она надеялась, что это не повторится. Она изучала себя в этом новом резком освещении. Влажным платком вытерла рот и прижала его к глазам, словно это облегчило бы застывшую в них боль.

— С тобой все в порядке? — Голос мужа заставил ее вздрогнуть. Она надеялась, что он не проснется. Оставит ее в покое.

— Сейчас уже лучше, — солгала Кэтрин, выключая свет, а потом сказала еще одну ложь: — Наверное, из ресторана принесли несвежую еду. — Она повернулась к нему. — Спи. У меня все хорошо, — прошептала она.

Он и так скорее спал, нежели бодрствовал, тем не менее потянулся к ней и положил ладонь ей на плечо.

— Точно?

— Точно, — ответила она. Что действительно точно, так это то, что ей нужно остаться одной. — Правда, Роберт, спи. Я сейчас.

Его пальцы задержались на секунду на ее плече, потом он повиновался. Она выждала, убедившись, что муж заснул, и вышла из спальни.

Кэтрин смотрела на нее, перевернутую и открытую на том месте, где она остановилась. Книгу, которой она сначала поверила. Первые несколько глав погрузили ее в состояние некоего упоения, породили то неясное чувство, с каким воспринимаешь один лишь намек на будущее волнение, нечто такое, что заставляет переворачивать страницу за страницей, даже никак не представляя себе того, что именно ждет впереди. Книга заманивала ее, завлекала все дальше и дальше, пока, наконец, не стало ясно, что она попала в ловушку. Слова отскакивали от головы и ударялись одно за другим в грудь. Словно бы перед поездом возникла вдруг толпа людей, и она — беспомощный машинист — бессильна предотвратить катастрофу. На тормоза жать поздно. Назад дороги нет. Погруженная в книгу, Кэтрин, сама того не желая, перешагнула через самое себя.

«Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми...» Предупреждение перечеркнуто тонкой красной чертой. Открывая книгу, она ее не заметила. Между тем сходство бесспорно. Она — главная героиня, ключевой игрок. Имена, верно, изменены, но в деталях обмануться невозможно, вплоть до того, что на ней было надето тем днем. Отрезок жизни, который она прятала от всех. Секрет, которым ни с кем не делилась, даже с мужем и сыном — им казалось, что они знали ее, как никто другой. Ни единая живая душа не могла бы вообразить, что Кэтрин только что прочитала. И тем не менее это напечатано — и выставлено на всеобщий суд. Она думала, что все похоронено. Со всем этим покончено. И вот все снова всплывает на поверхность. В ее собственной спальне. В ее голове.

Она попыталась вытеснить это мыслями о вчерашнем вечере, когда еще не успела открыть книгу. Ра-

дость от новоселья; вино, ужин; диван, на котором так уютно лежать; полудрема перед телевизором, а потом они с Робертом пошли в постель и растворились друг в друге. Тихое счастье, которое она всегда считала чем-то само собой разумеющимся, но слишком тихое, чтобы принести ей успокоение. Она не могла заснуть, вылезла из постели и спустилась вниз.

Тут был первый этаж, можно и так сказать. Уже не дом — домик. Из дома они съехали три недели назад. Вместо прежних четырех спален — теперь две. Так для них с Робертом лучше. Одна — семейная. Другая — для гостей. И еще они остановились на открытой планировке. Никаких дверей. Теперь, когда Николас уехал, закрываться нет нужды. Она включила свет в кухне, взяла из буфета бокал, наполнила его. Крана нет. В холодильнике встроена автоматическая система пуска холодной воды. Вообще, он больше похож на гардероб, чем на холодильник. От страха у нее вспотели ладони. Ей было жарко, ее лихорадило, и она с наслаждением ощущала прохладу только что постеленного известнякового пола. Вода немного помогала. Делая глоток, она перевела взгляд на большие окна, занимавшие всю заднюю стену этого нового, чужого дома. На улице — полная тьма. Ничего не видно. Занавески она еще не повесила. Она открыта. Любому. Ее могли увидеть все, а она — никого.

Глава 2

Двумя годами ранее

Я жалел о случившемся, правда, жалел. В конце концов, это был всего лишь ребенок семи лет. А я — опекун, так сказать, *in loco parentis*, хотя мне было прекрасно известно, что никому из родителей не хотелось видеть меня в этом качестве. К тому времени я

уже опустился едва ли не на самое дно: Стивен Бригсток, самый противный из всех учителей школы. Ну да, мне казалось, что так думают дети, да и родители тоже, хотя и не все: я надеялся, что некоторые из них помнили меня по прежним временам, когда я учил их старших детей. Так или иначе, я совершенно не удивился, когда Джастин пригласил меня к себе в кабинет. Я давно ждал этого, и вызов последовал даже позже, чем я думал. Но ведь это частная школа. Маленькое ленное владение. Родители полагали, что пока они платят, то всем тут и командуют, но это, конечно, не так. Взять хоть меня самого — приняли на работу, даже не поговорив толком. Когда-то мы с Джастином вместе учились в Кембридже, и он знал, что я нуждался в деньгах, а я знал, что ему нужен был хороший учитель английского. Видите ли, в частных школах платят больше, чем в государственных, а у меня был многолетний опыт преподавания в общеобразовательной государственной школе. Бедняга Джастин, ему, наверное, было трудно перемещать меня. Неловко как-то, понимаете ли. И это действительно был скорее перевод, нежели увольнение. Великодушно с его стороны. Ценю. Я не мог себе позволить потерять право на пенсию, а поскольку так или иначе вплотную приблизился к пенсионному возрасту, то он просто ускорил процесс. Вообще-то нам обоим было пора на покой, но его положение решительно отличалось от моего. Я слышал даже, что кое-кто из его учеников плакал при мысли о расставании с ним. По мне-то никто не заплачет. Да и с чего бы? Я таких слез не заслужил.

Не хочу, чтобы у вас сложилось ложное впечатление: никакой я не педофил. Я не заигрывал с этим ребенком. Я даже не прикоснулся к нему. Нет-нет, я никогда, никогда не прикасался к детям. Дело в том, что я считал их ужасно скучными. Полагаете, это дурно — так отзываться о семилетках? Думаю, да, если вы учи-

тель. Но я уже пресытился чтением их нудных сочинений, над которыми они, не сомневаюсь, потели. И все равно: откуда эта уверенность, что в семь лет, напрягая голос, они в состоянии сказать то, что будет мне интересно? И вот однажды я не выдержал. Катарсис в виде красного карандаша иссяк, и, дойдя до сочинения именно этого паренька, не помню уж его имени, я выдал ему весьма развернутый отзыв, из которого следовало, что мне нет совершенно никакого дела до того, как он с семьей провел каникулы на юге Индии, где они снимали дом у местных жителей. Ну да, я был потрясен тем, как замечательно они провели время. Конечно, паренек расстроился. И, конечно, мне было его жалко. И, конечно, он обо всем рассказал родителям. И вот об этом я ничуть не жалел. Это ускорило мой уход, а уйти я, несомненно, был должен — и ради себя, и ради всех остальных.

И вот я дома, и у меня полно свободного времени. Учитель английского второразрядной частной школы на пенсии. Вдовец. Опасаюсь, что я слишком откровенен — сказанное вроде как несколько принижает меня. Я могу показаться слишком жестоким. И действительно, по отношению к этому мальчику я оказался жесток, признаю это. Но в целом я совсем не жестокий человек. Другое дело, что после смерти Нэнси я позволял себе немного распускаться. Ну хорошо, не немного — прилично.

Сейчас в это трудно поверить, но, бывало, меня выбирали Самым Популярным Учителем года. Выбирали ученики не частной школы, а государственной — той, где я преподавал раньше. И это был, повторяю, не единственный случай — несколько лет подряд. Однажды это случилось, если не ошибаюсь, в 1982-м, когда той же чести удостоилась в своей школе и моя жена Нэнси.

Преподаванием я занялся вслед за Нэнси. А она последовала за нашим сыном, которого мы отдали

в младшую группу частной школы. Она учила там пяти- и шестилетних детей, а я четырнадцати- и пятнадцатилетних в государственной. Я знаю, что иные учителя считают эту возрастную группу трудной, но мне нравилось. Отрочество — непростой возраст, и я считал, что не нужно слишком уж давить на этих сорванцов. Я никогда не заставлял их читать ту или иную книгу против воли. В конце концов, сюжет — это просто сюжет. Его необязательно вычитывать из книги. Есть фильмы, телепередачи, пьесы — смотри, слушай, анализируй, думай, получай удовольствие. В ту пору я был увлечен своим делом. Мне было не все равно. Но это было тогда. А сейчас я больше не учитель. Я на пенсии. И я вдовец.

Глава 3

2013, весна

Кэтрин спотыкалась, кляня высокие каблуки, но про себя признавала, что слишком много выпила. Роберт протянул руку и успел схватить ее за локоть, не дав упасть на бетонные ступени. Другой рукой он повернул ключ в замке, открыл парадную дверь и, не ослабляя хватки, завел ее внутрь. Она сбросила туфли и, направляясь на кухню, попыталась придать походке хоть какое-то достоинство.

— Я так горжусь тобой, — сказал он, делая шаг вперед, обнял ее и поцеловал ее в шею. Кэтрин откинула голову назад.

— Спасибо, — поблагодарила она и закрыла глаза. Но тут же миг наслаждения рассеился. На дворе ночь. Они дома. Но ложиться ей не хотелось, хотя она смертельно устала. Она знала, что не заснет. Уже целую неделю толком не спала. Роберту это не известно. Она делала вид, что все нормально, ей удавалось его обмануть,

прикидываясь, будто она спит рядом, когда остается наедине со своими мыслями. Сейчас ей придется найти предлог, чтобы объяснить, почему она не идет с ним в спальню. — Ложись, я скоро приду, только почту проверю. — И она поощрительно улыбнулась, но Роберту многого и не нужно. Завтра ему рано вставать, отчего Кэтрин еще более было приятно то удовольствие, которое, как ей казалось, Роберт получил от вечера, где центром всеобщего внимания была она, а он оставался лишь молчаливым улыбающимся спутником. Ни разу он даже не намекнул, что пора уходить. Нет, он позволял ей блистать и наслаждаться моментом. Конечно, она тоже не раз выступала в той же роли по отношению к нему, но тем не менее свою он сыграл достойно.

— Я принесу тебе воды, — сказал Роберт.

Они только что вернулись с приема после вручения телевизионных премий. Это была серьезная передача, не какое-то там мыло. И не художественный сериал. Одни только факты. Кэтрин получила премию за документальный фильм о подготовке детей к половой жизни. Детей, которых можно было уберечь, но не уберегли, ибо никто всерьез о них не позаботился; никто не взял на себя труда присмотреть за ними. Члены жюри назвали ее фильм смелым. И ее саму назвали смелой. Только они и понятия ни о чем не имели. Не имели понятия о том, какая она на самом деле. Никакая это не смелость. Скорее целеустремленность, решимость. Впрочем, и смелость тоже. Скрытая съемка. Мужчины — похотливые хищники. Но не стоило думать об этом сейчас. Не сейчас, когда она дома. Даже за новыми шторами она опасалась, что за ней наблюдали.

Вечера превратились в подобие ниши, в которой можно было отвлечься от навязчивых мыслей о том неизбежном моменте, когда ей придется забраться под одеяло и лежать в темноте без сна. Роберта ей обмануть удалось. Даже пот, который выступал на лбу, когда

подходило время идти в спальню, она со смехом объясняла начавшейся менопаузой. Конечно, были и иные признаки, но пот здесь ни при чем. Она отправила его спать и пожалела, что он не остался рядом. Жаль, что не набралась храбрости все ему рассказать. Не получилось. А теперь слишком поздно. Все случилось двадцать лет назад. И если завести разговор об этом сейчас, он ничего не поймет. Он будет потрясен тем, что все это время она ничего ему не говорила. Держала в тайне нечто такое, что он имел право знать. «О Господи, но это же *наш* сын», — услышала она его голос.

Ей не нужна была эта гребаная книга, чтобы напомнить о случившемся. Она и так ничего не забыла. Ее сын едва выжил. Все эти годы она, как могла, оберегала Николаса. Оберегала от знания того, что случилось на самом деле. Она позволила ему жить в блаженном неведении. Он не знал, что едва не умер на пороге зрелости. А что было бы, если бы у него сохранились какие-либо воспоминания о случившемся? Что бы это изменило? Был бы ли он другим? Стали бы другими их взаимоотношения? Но она была совершенно уверена, что он ничего не помнил. По крайней мере ничего из того, что могло бы приблизить его к действительности. В представлении Николаса это был обычный день, сливающийся с множеством других дней его детства. Быть может, подумалось ей, он даже казался ему счастливым.

Будь там Роберт, все могло бы повернуться иначе. Точно повернулось бы иначе. Просто ничего бы не случилось. Но Роберта там не было. Вот она ничего ему и не сказала, потому что в этом не было нужды — он ничего не узнает. Так было к лучшему тогда. Так к лучшему и сейчас.

Она включила ноутбук и набрала имя автора. Это превратилось почти в ритуал. Она повторяла эту операцию вновь и вновь, в надежде найти хоть что-то. Ключ. Но ничего не находилось. Одно только имя:

Э. Дж. Престон. Не исключено, имя вымышленное. «Идеальный незнакомец» — первое и, возможно, последнее произведение автора. Даже на пол указания нет. *Его* или *ее* первое произведение? В выходных данных значилось: Рамнузия. Когда она стала разбираться, выяснилось то, что пришло ей в голову с самого начала: книга выпущена самим автором. Раньше она не знала, что это такое — «Рамнузия». Теперь знает. Богиня отмщения. Немезида.

Вот это и есть ключ, не так ли? Хотя бы гендерный. Но нет, это невозможно. Просто невозможно. И такие подробности никто знать не мог. В живых никого не осталось. Кроме, разумеется, тех, других — безымянных других. Но это-то написано кем-то, кому не все равно. Для кого это дело личное. Она поискала в Интернете, появились ли отклики на книгу. Ничего. Быть может, она вообще единственная, кто ее прочитал. А если и есть другие, то они никогда не узнают, о ком она написана. Но ведь кто-то знает. Кто-то знает...

Как эта гребаная книга попала к ней в дом? Она не помнила, чтобы покупала ее. Просто появилась в стопке книг рядом с ее кроватью. Но ведь когда переезжаешь на новое место, всегда возникает беспорядок. Множество коробок с книгами все еще ждут, когда их распакуют. Может, она сама ее здесь бросила. Вынула из коробки, привлеченная обложкой, и бросила. А может, это книга Роберта. У него множество книг, к которым она даже не прикасалась и вряд ли бы узнала. Старых книг. Она так и видела его листаящим каталоги электронного книжного магазина. Какое-то название или переплет остановило его внимание, и он заказал очередную книгу.

Но в конце концов она пришла к убеждению, что книгу оставил здесь кто-то другой. Кто-то приходил сюда, в это место, не успевшее еще стать их новым домом. Заходил в спальню. Кто-то, кого она не знала, по-